

Aleksandra Szymańska
Łódź

Госпитальная поэма и Шаги Командорова Давида Самойлова. О функции донжуанского мифа

Предметом анализа в данной статье станут две поэмы Давида Самойлова – неозаглавленный автором текст, публикуемый под редакторским названием *Госпитальная поэма* (1943), и *Шаги Командорова* (1950). В обоих произведениях Самойлов отсылает читателя к общеизвестному донжуанскому мифу.

Интересно отметить пристрастие автора к вечному образу Дон Жуана. Восемнадцатилетний Самойлов пишет шуточную пьесу *Конец Дон-Жуана* (1938), спустя сорок лет он возвращается к теме Дон Жуана в поэме *Старый Дон-Жуан* (1978), а в 1988 продолжает ее в поэме *Юный Дон Жуан*¹. В юношеской пьесе *Конец Дон-Жуана*, как считает Андрей Немзер, заложен «целый клубок важнейших смысловых комплексов, что будут разворачиваться, варьироваться и обогащаться на протяжении всей жизни поэта, а ее герой станет сквозным самоейловским персонажем»².

В избранных нами поэмах присутствие донжуанской темы не так наглядно и ощутимо как в произведениях *Конец Дон-Жуана* или *Старый Дон-Жуан*.

В *Госпитальной поэме* и *Шагах Командорова* Самойлов не столько создает новую сюжетную версию легенды о Дон Жуане, сколько раскрывает ее динамику в культуре своего времени. Автор не столько обращается к конкретным литературным воплощениям образа, сколько к мифологеме Дон Жуана, т.е. к устойчивому и повторяющемуся конструкту общечеловеческой мысли, внутренней схеме, первообразу, модели, на основе которой, в зависимости от конкретной ситуации, вырастает образ³. Донжуанский миф становится тогда почвой для об-

¹ См.: А. Szymańska, *Донжуановская тема в творчестве Давида Самойлова*, „Acta Universitatis Lodzianis Folia Literaria Rossica 4” 2011, с. 94–104.

² А. Немзер, *Послесловие к поэмам*, [в:] Д. Самойлов, *Поэмы*, Москва 2005, с. 372.

³ С. Телегин, *Термин «мифологема» в современном российском литературоведении. Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя. Материалы международной научной конференции г. Астрахань, 19–24 апреля 2010 г.*, под ред. Г. Исаева, Астрахань 2010, с. 14. См. на сайте: <http://www.aspu.ru/images/File/Izdatelstvo/mat-ly%20Isaev%20GG.pdf> [06.09.2012].

разования новых смыслов. Мифологема ощутима независимо от точности воспроизведения отдельных сюжетных ходов мифа, изменения имен действующих в мифе персонажей или обновления культурно-исторического контекста⁴. Мифологема представляет либо фрагмент, либо отголосок мифа, отдельные его мотивы в позднейших фольклорных и литературных наслоениях⁵.

Как замечает Константин Курленя, истории о любовных похождениях и смерти, останавливающей жизнь, являются неотъемлемой частью художественного контекста человеческой культуры во всякие времена. Эти истории могут превратиться в сюжеты, актуальные для любого века⁶.

Госпитальная поэма писалась Самойловым как текст, предназначенный для закрытой мужской аудитории. Эксплуатируя устойчивый набор мотивов и приемов «мужской» поэзии⁷, автор описывает прибытие в Красноуральск эвакогоспиталя. Описание Красноуральска, тамошних женщин и прибытия в город солдат, как замечает Андрей Немзер, подсказано автору не только наблюдаемыми реалиями (поэма возникает во время пребывания раненного в бою Самойлова в красноуральском госпитале), но и вступительными строфами *Тамбовской казначейши* Михаила Лермонтова⁸. В подтверждение последнего тезиса, Немзер указывает на совпадение в обоих произведениях исходной ситуации – замешательства в городе, вызванного появлением военнослужащих⁹. Напомним, что в произведении Лермонтова в Тамбов приезжает уланский полк.

Ответственным за замешательство в городе в поэме Самойлова является некий Спиридон Сабуров – новоявленный Дон Жуан. Как заметил Немзер, уже в имени Спиридон скрыт титул легендарного испанца¹⁰. Отмеченное сходство Сабурова с Дон Жуаном подтверждается по ходу сюжета. Красивый собой Сабуров безудержно наслаждается женским полом. Он добивается успеха в любовных похождениях, нарушая общепринятый кодекс поведения. Спиридон – это развратник грубый и простой. Ему, как и другим солдатам, чужда тонкость и соблюдение этикета в отношениях с женщинами. Ничто не в состоянии помешать ему в любовных подвигах: ни война, ни раны, ни повязки, ни горе вдов, потерявших на войне своих мужей, ни возраст его жертв. Его тяга к удовольствиям еще усиливается после того, как он из-за полученных в бою ран, был вынужден пролежать некоторое время в госпитале:

⁴ См. об этом: К. Курленя, *Три эссе о Дон Жуане. К исследованию имажинативного абсолюта одноименной мифологемы*, [в:] *Мифема „Дон Жуан“ в литературе и музыкальном искусстве*, под ред. Б. Шиндина, Новосибирск 2002, с. 151.

⁵ С. Телегин, *Термин «мифологема» в современном...*, с. 9. См. на сайте: <http://www.aspu.ru/images/File/Izdatelstvo/mat-ly%20Isaev%20GG.pdf> [06.09.2012].

⁶ К. Курленя, *Три эссе о Дон Жуане...*, с. 163–164.

⁷ См. об этом: А. Немзер, *Послесловие к поэмам...*, с. 372

⁸ Там же, с. 372–373.

⁹ Там же, с. 373.

¹⁰ Там же.

И не было числа победам.
И сам он был неутомим:
К одним спеша перед обедом,
А перед ужином к другим.
К нескромным женам, к девам, к вдовам,
К печальным, к ласковым, к бедовым,
К сорокалетним, к молодым.
Чтоб только треск стоял и дым,
Чтоб лопались матрасы ночью,
Чтоб платья, юбки, свитера,
Набрюшники, бюстгальтера
От нетерпенья дрались в клочья¹¹.

Новые обстоятельства, в которые поставлен новорожденный Дон Жуан, снижают традиционное представление о вечном соблазнителе. Время унесло его достоинства, снизило требования, лишило умения рассуждать, сделало его грубым, наглым, безудержным, и даже смешным. Снижение образа в поэме Самойлова ознаменовалось в авторской иронии. Поэт обратился к использованию реминисцентных смыслов, которые наводят читателя на воспоминания о стихотворении *Пророк* Александра Пушкина. Память о пушкинской картине рождения поэта-пророка позволяет читателю понять ту силу иронии, которую Самойлов вложил в сцену повторного рождения к жизни Спиридона Сабурова:

И вдруг вдали... Неужто сон!
Явился долгожданный «он».
Все вострепелось. Дружный вздох
Заставил пошатнуться древо,
И даже те, кто в сон и в чох
Не верили, узрели: слева,
Слегка опершись на костыль,
В ремнях и брюках комсоставских,
Горячий глаз скосив на штатских,
Сквозь дебри взглядов дев и жен
Неторопливо выплыл «он»¹².

Значимость образа Сабурова достигается в поэме Самойлова благодаря его военной славе, которую знаменуют комсоставские брюки и статус военного инвалида.

¹¹ Д. Самойлов, *Госпитальная поэма*, [в:] он же, *Поэмы*, Москва 2005, с. 311.

¹² Там же, с. 312–313.

Мифологема Дон Жуана ощутима в *Госпитальной поэме* не только благодаря присутствию героя, напоминающего в своем поведении известного соблазителя, но также и другим героям, в том числе, вдове Анне, с которой знакомится Сабуров.

Очередной раз образование реминисцентного поля происходит благодаря приему имени, которое в состоянии задать определенное направление читательской рецепции. Имя литературного героя, наряду с другими формами интертекстуальности, может являться сигналом вовлечения произведения в более широкий литературный контекст.

Итак, в плане рассматриваемого нами присутствия в поэме сигналов мифологема Дон Жуана, имя Анна вызывает в памяти первую русскую литературную обработку донжуанской темы – *Каменного гостя* Александра Пушкина. Наделив свою героиню именем Анна, Пушкин заложил в ее образ ряд черт, которые по сей день влияют на интерпретаторов общеизвестной легенды. Именем Анна наделялись также героини европейских предшественников Пушкина в обработке донжуанской темы.

На полигенетичную самоейловскую мифологию имени Анна и захваченность автора с юношеских лет не только легендой о Дон Жуане, но и блоковскими *Шагами командора*, обратил внимание Андрей Немзер¹³. В интерпретации исследователя, Анна в произведениях Самойлова это обычно недостижимое земное воплощение идеала¹⁴.

Развернем эту мысль: Анна, в отличие от мелькнувшей в *Госпитальной поэме* пародийной Анюты, предстает перед глазами читателя как эталон чистоты. При ее описании исчезает свойственная автору ирония. Анна напоминает то печальную и робкую пушкинскую Татьяну, то идеал женственности, заложенный Блоком в стихах о Прекрасной Даме:

Вот и она была такой,
 Печальной, робкою и нежной.
 Кто слышал, как она с тоской
 Певала о дороге снежной
 В глухой степи, о ямщике,
 О доле злой и по щеке
 Слеза катилась белоснежной¹⁵.

¹³ А. Немзер, *Пушкин в стихотворении Давида Самойлова «Ночной гость»*, [в:] *Пушкинские чтения в Тарту 4: Пушкинская эпоха: Проблемы рефлексии и комментария: Материалы международной конференции*, под ред. Л. Киселевой, Тарту 2007, с. 152–190. См. на сайте: <http://www.ruthenia.ru/document/543134.html> [09.12.2012]

¹⁴ Там же.

¹⁵ Д. Самойлов, *Госпитальная поэма...*, с. 318.

Однако поведение героини Самойлова определяет не только литературная традиция, но также новая историческая обстановка. Военное время заставляет Анну самостоятельно позаботиться о своей чести. Пытаясь защитить себя от назойливого и грубого поклонника Сабурова, она вынуждена «похлопать его по морде». Спаситель и защитник Анны не появляется – он убит на войне, о чем Анна получает известие в конце поэмы. С этого момента поэма Самойлова резко меняет свою тональность. Пикантность описания солдатского быта вытесняет рефлексия по поводу горькой судьбы женщины военной эпохи. Как отмечает Немзер, жалость к женщине военной эпохи крепко завладела Самойловым. Доказательством того он считает стихотворения *О солдатской любви* (1944) и *Как смеют женщину ругать...* (1944)¹⁶. В названных стихотворениях нет уже места рассуждениям об идеале женственности или супружеском долге. В них остались лицом к лицу «с войною, с бедою» «усталый и черный солдат» и «податливая и покорная баба»¹⁷.

В *Госпитальной поэме* трагизм современности раскрывается Самойловым через обращение к общеизвестному мифу, который, обладая повышенной семиотической значимостью, дает автору возможность для выводов общего характера¹⁸. Бытовой сюжет о красноуральской красавице, потерявшей на войне любимого мужа, поднимается Самойловым до уровня универсальных проблем жизни и смерти, долга, верности. Поведение Анны и других героев поэмы можно рассматривать не только как их индивидуальное свойство, но и как отличительную черту эпохи.

В поэме *Шаги Командорова* Самойлов продолжает тему женского горя в военное время. Освободив *Госпитальную поэму* от солдатских шуток, сексуального гигантизма и ненормативной лексики, автор сосредоточился на переживаниях героини поэмы – Анны¹⁹.

Ее трагедия проступает сквозь скучноватую обыденность «простого городишка русского». «Маленький русский городок», в котором осуществляется заново донжуанский миф, описывается Самойловым как бы в двух измерениях. В одном – как некое условное пространство, поддающиеся лишь влияниям сменяющихся времен года, т.е. город, жизнь которого определяет природный цикл. В другом – как город, на внешний вид которого и на жизнь его жителей, наложило отпечаток конкретное историческое время. Преисполненное ностальгией описание города внезапно обрывается за счет трехслож-

¹⁶ А. Немзер, *Послесловие к поэмам...*, с. 374.

¹⁷ Д. Самойлов, *О солдатской любви*, [в:] он же, *Счастье ремесла: Избранные стихотворения*, Москва 2010, см. на сайте: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks310861 [28.02.2013]

¹⁸ См. об этом: Ю. Лотман, *Семиосфера*, Санкт-Петербург 2000, см. на сайте: http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman_semiosphera.htm [09.12.2012]

¹⁹ А. Немзер, *Послесловие к поэмам...*, с. 376.

ной конструкции номинативов: «Райком, райсовет, финотдел» и дополняется такими деталями, как: мощеная улица, железные рельсы, высокие корпуса и стеклянные соты завода. Введение реалий советского времени в виде названий учреждений вводит в описание города тревожный диссонанс. Они неожиданно переносят читателя из какого-то мифологического пространства, где каждое явление связано с природным циклом, в пространство социальное, исторически строго определенное. При таком восприятии пространства, открывающие поэму, а затем почти каждую ее отдельную часть, описания природы в разное время года приобретают новый смысл – они становятся метафорой исторических событий и явлений эпохи.

Отметим, что вся история ухаживаний Сабурова за Анной тесно сопряжена со сменой времен года. Они навязывают ход и темп развития действия. Зарождение чувства Сабурова к Анне связано с весенним сезоном, когда вся природа пробуждается к жизни. Сезонные изменения, которые описывает Самойлов – появление первой листвы на деревьях, свежий, «сладкий» ветер, быстрое течение речки, тесной от «оттепелей слюнявых», сопрягается с зарождением чувств у героев поэмы. Грустная и думающая об умершем муже Анна невольно с весной пробуждается к жизни и принимает приглашение знакомых посетить танцы. В Спиридоне зарождается страстное чувство к привлекательной вдове. На лето выпадает разгар чувств Спиридона к Анне, а осенью он уже влюблен «с головы до пят». Поскольку в природе осень – время собирать урожай, Спиридон решает сделать Анне предложение. Приход суровой зимы окончательно лишает героев надежды на счастье – во сне с наказанием вдове появляется мертвый Командоров. Весна не наступает – циклический ход времени обрывается из-за вмешательства мертвого сержанта гвардии, олицетворяющего Историю.

Так, события, изображенные в *Шагах Командорова*, разворачиваются как в циклическом, так и в историческом времени. Благодаря циклизации времени, Самойлов подчеркнул универсальность таких человеческих чувств как: любовь, страсть, тоска, надежда. В циклическом представлении о ходе человеческих чувств заложена их повторяемость, независимо от внешних обстоятельств. Историческое время не имеет власти над сменами времен года и изменениями, которые каждая из них влечет с собой. При таком освещении, человеческие чувства зависят не столько от внешних событий, сколько от биологического цикла. Однако тяжелое военное время приводит Самойлова к убеждению, что исторические события в состоянии нарушить естественный ход человеческой жизни. Историческое время открыто по отношению к истории как последовательности уникальных непредсказуемых событий. В мире, захваченном войной, счастье не возможно.

В *Шагах Командорова* Самойлов стремился показать силу влияния истории на судьбы героев, прежде всего, на жизнь женщины военной эпохи. Героиней поэмы, как упоминалось раньше, является вдова убитого на войне сержанта, фамилия которого выдвигается автором в заглавие. Автор знакомит

читателей с Анной в момент, когда она получает известие о посмертном награждении ее мужа Орденом Красной звезды. Эта деталь предметного мира является приметой места и времени действия. Напомним, что Орден Красной звезды военнослужащие получали за большие заслуги в деле обороны Советского Союза. Награждение Командорова орденом подчеркивает его заслуги для обороны страны.

Смерть Командорова повлияла на судьбу Анны. Она поседела, впала в апатию, отказалась от развлечений и общения с людьми. Ее день заполняет работа на заводе и грустные думы о прежней жизни. Единственная попытка Анны передвинуться вперед, вернуть себя текущей жизни оборачивается против нее. Причиной ее личной трагедии становится перекочевавший из *Госпитальной поэмы* Спиридон Сабуров.

На этот раз тайную суть Спиридона-Дон Жуана приоткрывает не только последний слог его имени «дон», но и описание старинного вальса: «Кружатся медленно, плавно, / Динь-дон»²⁰. Введенные в поэму слова вальса, под который танцуют Спиридон с Анной, предсказывают их судьбу. Несмотря на то, что классовых барьеров, которые помешали молодому подпоручику жениться на генеральской дочери уже нет, счастья для Сабурова и Анны все равно не будет²¹.

Следующая часть поэмы в виде «мучающего» и «жгущего» сновидения Анны раскрывает одну из причин, мешающих героям добиться счастья. Сон дает психологическую характеристику Спиридона – «соблазнителя сурового» и жестокого убийцы. Так, как во сне, Сабуров убивает местного почтальона, как ему кажется, своего соперника в ухаживаниях за Анной. Нетрудно заметить, что во сне Анны оживает общеизвестный донжуанский сюжет.

Если Анну мучают тяжелые сны и сомнения по поводу ее знакомства со Спиридоном, то тот вполне захвачен страстью. Полученное им благодаря сну Анны ампула соблазнителя, быстро обнаруживается в «реальной» жизни. Местный Дон Жуан предстает перед Анной в опошленном виде. Его дискредитирует не только его поведение, но и одежда. Жених отправляется к невесте одетый в пальто и в галоши. Хотя его костюм мотивирован наступившей осенью, то он становится предметом насмешки почтальона:

(...) – что же вы,
Спиридоша,
Прямо как женихи?
В новом пальто, в
галошах...
Есть табачок? Хи-хи!..²²

²⁰ А. Немзер, *Послесловие к поэмам...*, с. 377.

²¹ Там же.

²² Д. Самойлов, *Шаги Командорова*, «Дружба Народов» 1999, №5, см. на сайте: <http://magazines.russ.ru/druzhiba/1999/5/samoil.html> [13.03.2013].

Федор Ильич отмечает увлечение Спиридона своей новой ролью жениха, который под влиянием страсти начинает вести себя как влюбленный школьник, и считает, что новое пальто, т. е. вещь, может стать пропуском в лучшую жизнь. Ироническое замечание почтальона относится не только к Сабурову, но и к ветреной вдове Анне: «— Что ж! Одного схоронила, / Нужен другой. Хе-хе!»²³.

Эхо донжуанского мифа сильнее всего звучит в окончании поэмы Самойлова, в котором появляется мертвый муж Анны – Командоров. Этимология его фамилии намекает на связь с именем Командора, антагониста Дон Жуана. В общем, с одной стороны, заглавие в целом является внешне выраженной формой соотношения поэмы Самойлова и общеизвестного мифа. С другой – формой соотношения поэмы и конкретной литературной обработки мифа Александром Блоком в *Шагах командора*²⁴.

В поэме Самойлова мертвый Командоров появляется Анне во сне. На этот раз, сон отражает угрызения совести и сомнения Анны, которая чувствует себя виноватой в том, что преемник ее мужа является человеком недостойным ее внимания как вдовы почетного и отважного защитника родины (Командоров во сне появляется не в ипостаси близкого Анне человека – мужа, а как «гвардии старший сержант»). Обратим внимание, что главной чертой в его образе является его служебная должность, а не личные отношения с Анной.

Месть Командорова остается за пределами поэмы, так как сон Анны обрывается в самый решающий для ее судьбы момент. Стоит подчеркнуть, что в изображении Самойлова наказание ожидает «бедную» вдову, а не соблазнителя. Бремя ответственности обрушивается на Анну. Однако Самойлов далек от того, чтобы осуждать героиню. Как в *Госпитальной поэме*, так и в *Шагах Командорова*, ощутимо авторское сочувствие к горькой судьбе женщины:

Анне усталой снится
 Нетерпеливый звук —
 Каменная десница:
 Тук. Тук. Тук.

— Кто там?.. — спросила, бледнея.
 Руки у бедной дрожат.
 Видит — стоит перед нею
 Гвардии старший сержант²⁵.

²³ Там же.

²⁴ На интертекстуальных отношениях поэмы Самойлова с произведением известного предшественника не будем останавливаться, так как они разработаны нами подробно в отдельной статье. См об этом: А. Szymańska, *Донжуановская тема в творчестве...*

²⁵ Д. Самойлов, *Шаги Командорова...*, см. на сайте: <http://magazines.russ.ru/druzhba/1999/5/samoil.html> [13.03.2013]

И на этот раз, судьба героини может восприниматься как в индивидуальном, так и в поколенческом плане. Анна – одна из массы женщин военного поколения, которая разделяет их трагическую участь.

Очередной раз довольно банальная история взаимоотношений местного соблазнителя и соскучившейся по любви вдовы мыслится, благодаря обращению Самойлова к мифологеме Дон Жуана, в масштабах вечных проблем жизни, смерти, верности, долга, чести и перерастает в нечто универсальное, вневременное.

Проведенный нами анализ поэм Самойлова с учетом обнаруженной в них мифологемы Дон Жуана позволил нам расширить их смысл за счет раскрытия индивидуального авторского понимания известного мифа, который Самойлов включил в новый контекст. Миф в соотношении с близкой писателю исторической проблематикой реальности получил дополнительную семантику. Использование Самойловым общеизвестного мифа открыло возможность сопоставления известного и нового – авторского целого.

SUMMARY

“Hospital poem” and “The Komandorov’s Footsteps” by David Samoylov. About the function of the Don Juan myth

The aim of this article is to analyze two poems by modern Russian poet David Samoylov – “Hospital poem” (1943) and “The Komandorov’s Footsteps” (1950). In these early poems there are echoes of the myth of Don Juan. We have tried to find and to analyze all signals of this popular myth in both texts by Samoylov (characters, situations, motives). It has given us the opportunity to broaden their meaning thanks to taking into consideration the individual understanding of the popular myth by the writer.